

ВНЕ ЗОНЫ ДОСТУПА

ЮЛИЯ
РЕЗНИК

Юлия Резник

Вне зоны доступа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67316538

Вне зоны доступа:

Аннотация

Вы знали, что после смерти абонента его номер снова поступает в продажу? Я – нет. Пока мне не ответили... Правда, тогда я и представить не мог, что случайный разговор с незнакомкой, которой по насмешке судьбы достался номер моей погибшей жены, перерастёт во что-то большее. Что я смогу полюбить женщину вот так... Это пришло позже. Когда однажды она не ответила на мой звонок.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	37
Глава 5	47
Глава 6	57
Глава 7	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Юлия Резник

Вне зоны доступа

Глава 1

– Может быть, тебе стоит позвонить ему первой.

– Что? – Я отвлеклась от разглядывания бокала с мартини и уставилась на подругу. Музыка была слишком громкой, и правда не расслышала адресованный мне вопрос.

– Говорю, что, возможно, тебе стоит позвонить ему первой. Ну, знаешь, сейчас так делают. Проявляют инициативу... Звонят. Пишут. Эмансипация, понимаешь ли.

Я задумчиво кивнула, вглядываясь в скользящие по лицу Нинки блики. Аквамариновые, ультрафиолетовые и золотые огни светомузыки, от которых у меня просто раскалывалась голова. Или не от них, а от того, что я совсем отвыкла от такой жизни.

– В тот раз, когда я попыталась взять ситуацию в свои руки, мы как раз и поругались.

– Это ничего не значит! – возмутилась Нинка, оборачиваясь в поисках поддержки к еще одной нашей подруге. Катя покладисто кивнула и спряталась за бокалом с вином, который цедила весь этот вечер. Из нас троих она была наименее эмансипированной, но, как ни странно, самой счастливой.

Или, может быть, как раз поэтому.

– Значит. Еще как значит. В тот день он ясно дал понять, что совсем во мне не заинтересован.

Диджейский сет закончился. В клубе, наконец, стало тише. Нам больше не приходилось орать, чтобы услышать друг друга.

– Именно поэтому он звонил тебе... сколько? – Нинка обвела взглядом всех присутствующих. – Напомни мне! Кажется, года три?

Я пожалала плечами и сунула в рот оливку.

– Три... Но какая разница? Звонил и звонил. Нужно было и дальше продолжать в том же духе, а не выдумывать то, чего нет. Не понимаю, зачем вообще предложила ему увидеться.

– Все ты понимаешь! Это было ненормально.

– Что именно? – уточнила зачем-то, хотя и так понимала, к чему ведет Нинка. Ненормально? А вы как думаете? Три года жить человеком, которого даже не знаешь. Точнее... не так. Знала я Птаха достаточно: чем тот дышит, о чем мечтает, что у него внутри. А вот не видела никогда. Не знала, кто он и чем занимается...

– Ну, что ты под дурочку косишь, Ян? Где твой телефон?

Я растерянно осмотрелась, выудила сумку из-за спины – совсем неподходящий для этого гламурного места рюкзак, и пошарила в его бездонных глубинах в поисках телефона.

– Новый? Симпатичненький... – оживилась Катя.

– Ну, звони! Чего ждешь? – скомандовала Нинка, воин-

ственно нахмутив брови. Впрочем, на меня этот театр не произвел должного впечатления. Звонить я не торопилась. Мое сердце колотилось, как сумасшедшее, а вмиг вспотевшие руки выбивали барабанную дробь. Из последних сил борясь с искушением, я положила телефон на стол перед собой и залпом осушила бокал.

– Повторите! – подала знак официанту.

– Янусь, может, ты бы на трезвую голову с ним, а? – вмешалась благоразумная Катя, обеспокоенно поглядывая на подругу.

– Я вообще не собиралась ему звонить. Это все Нинка.

– Ну, да! Давай, обвиняй меня во всех смертных грехах. А я всего-то хочу тебе счастья. Ты уже год сама не своя. С тех пор, как разругалась с этим своим... Птахом.

– Может быть, он сам объявится... Всегда объявлялся, – вяло возразила я, покручивая в руках шпажку с нанизанной на неё оливкой. Алкоголь начал действовать, и мысль позвонить первой уже не казалась мне настолько дерьмовой. Говоря начистоту, этому желанию я сопротивлялась с трудом. Господи... Как же мне хотелось вернуть Птаха в свою жизнь! В каком угодно качестве... Пусть даже в качестве незримого собеседника, каким он и был до того, как мне, сдуру, захотелось большего. Теперь я понимала, что синица в небе гораздо лучше пресловутого журавля. А тогда... Ну, чем я думала, господи?!

– Звони!

– Да звоню я, звоню!

Я схватила трубку, вбила вызубренный на память номер и нажала кнопку вызова. Рука с зажатым в ней телефоном дрожала, словно у меня Паркинсон. И, наверное, хорошо, что в сумраке клуба меня этого было не разглядеть. Я вела себя как конченная наркоманка в ожидании дозы... Только моей дурью были наши разговоры с Птахом. И его хриплый прокуренный голос.

– Ну, что? Не берет?!

– Говорят, что такого номера не существует...

Я отвела трубку от уха и растерянно уставилась на подруг.

– Ну, так набери еще раз! Может быть, ты ошиблась. Здесь же не видно ни хрена! Какого черта ты вообще по памяти номер вбиваешь?

И правда! Стараясь унять зароившуюся на краю сознания панику, я зашла в телефонную книжку, отыскала нужный контакт и позвонила снова.

– Ну? – повторила Нинка. И её нетерпение ударило по моим нервам практически так же, как и механический голос робота, который равнодушно повторил мне то, что я и так уже слышала. Моя рука медленно скатилась от уха вниз по груди и замерла на коленях.

– Такого номера не существует, – прохрипела я.

– Опять?

Нинка забрала из моих ослабевших рук телефон и перезвонила. Как будто это могло хоть что-нибудь изменить.

– Эй... Ян... Ты как?

Каткин голос был щедро сдобрен нотками беспокойства.

– Нормально! – кивнула я, не глядя на подругу, и залпом осушила следующий коктейль.

– Может, не надо, Янусь? У тебя самолет завтра...

Хорошая, милая Катька. В нашей компании она всегда отвечала за благоразумие.

– Да-да, я помню. Молодой человек, повторите!

Я осушила еще один бокал. Вот так сегодня... пила и не пьянела, хотя уже давно превысила свою норму. Из глубин души поднимался могильный холод, и у меня зуб на зуб не попадал.

– Эй... Похоже, нам пора выдвигаться. Она не в себе, – донесся, как будто сквозь вату, обеспокоенный голос.

– Я в норме.

– Мы видим, – вздохнула Нинка, возвращаясь на свое место за столиком. – Послушай, ну, чего тебя так трясет? Ты его контакты знаешь, он твой – наверняка тоже. Даже если с его прежним номером что-то случилось, ничто не мешает ему позвонить на твой...

– Он не сможет! – вскочила я, только сейчас осознав до конца весь ужас случившегося. – Он не сможет... О, черт!

– Да почему не сможет-то?!

– Мой старый телефон спер волк!

– Волк? – недоверчиво повторила Катя, с опаской косясь на Нинку.

– О, да господи! Думаете, я сбрендила? Как бы не так... Говорю же, волк спер. Приходит к моему дому один... Никак не отважу. Уже гнала-гнала его, а он все ходит. Пасть скалит, рычит. А неделю назад я с ним нос к носу в лесу столкнулась. Испугалась – жуть. Улепётывала так, что только пятки сверкали, ну и обронила где-то телефон. Я потом его искала, вернулась по своему следу...

– Господи, ты там уже и в следопыты заделалась?

– Да брось! Это несложно. Так вот... я вернулась, каждый сантиметр пути прочесала, а телефона так и не нашла.

– И ты решила, что его утащил волк? – Катя покачала головой. – Послушай, Ян, это все хрень собачья. Волки, следы, телефоны... Ну, бред ведь. Тебе возвращаться надо из твоей ссылки, пока ты там совсем умом не тронулась.

– Думаешь, я не пытаюсь?

– Откровенно говоря, нет, – невозмутимо ответила Нинка, но я понимала, что эта невозмутимость всего лишь игра. Она, напротив, хотела меня задеть своим показным равнодушием. Расшевелить, как-то вывести из того ненормально-го состояния апатии, в котором я жила последний год.

– Если ты забыла, то сегодня я была на двух собеседованиях. На двух... И в обоих случаях мне отказали. Знаешь, чего мне стоит каждый раз проходить через это? – огрызнулась я.

– Может быть, тебе стоит начать с должности попроще...

– Пойти участковым терапевтом? Ходить по вызовам?

– Это лучше, чем то, что ты имеешь сейчас!

– Да ладно? И чем же?

– Я не собираюсь объяснять тебе очевидных вещей.

– Вот и не надо! – Я схватила злосчастный рюкзак, выудив из кошелька деньги, бросила пару купюр на стол. А потом, не разбирая дороги, помчалась прочь из клуба. Через танцпол, VIP-столики и приватные кабинки. Куда глаза глядят. Зря я сюда пришла. Знала ведь, что Нинка не оставит в покое. Все зря... И Птаху я позвонила напрасно. До этого себя еще можно было обманывать. А теперь? Что мне делать теперь?!

– Стой! Да подожди ты!

Меня догнала Нина. Схватила за руку, но я резко высвободилась и припустив бежала не разбирая дороги, пока не врезалась в препятствие посерьёзней. Прямо в грудь высокого хмурого мужика.

– Осторожней...

– Извините, – пробормотал я. Мой взгляд скользнул вверх, шаг замедлился. Осознание пришло постепенно. Первые секунды я вообще не могла понять, где же видела его раньше, а потом... Оглянулась медленно, преодолевая сопротивление вмиг одеревеневших мышц.

– Что такое? Куда ты смотришь? Черт... это Соловьев, что ли? Вот мудило...

– Показалось, наверное.

– Как бы ни так. Я эту каланчу даже в такой темноте узнаю. Тесен мир.

– Угу... Пойдем, что-то мне нехорошо.

– Еще бы... Не представляю, как ты не вцепилась в его надменную рожу, – подала голос подоспевшая Катя. Обычно сдержанная и доброжелательная, сейчас её буквально трясло от ярости.

– Да ладно, Кать. Сколько лет прошло?

Я делано равнодушно пожала плечами и возобновила движение. Из-за нас и в без того тесном проходе образовалась пробка.

– Пять! А ты до сих пор за ним дерьмо разгребашь! И ладно бы была виновата, а так... – Катя с досадой взмахнула рукой, обогнала нас всех и с силой толкнула входную дверь. Мы вывалились из клуба и, не определившись, что делать дальше, замерли посреди улицы.

– Знаешь, а я, по прошествии лет, его даже зауважала...

– За то, что он разрушил твою карьеру? – сощурилась Нинка.

– За то, что он сделал все, чтобы докопаться до истины. И рук не опустил, как сделали бы другие на его месте.

Я говорила правду. То, как Соловьев боролся... восхищало меня. Может, я была какой-то неправильной, но по прошествии стольких лет, я не могла его ненавидеть.

– Поверить не могу, что слышу это! Он же тебя на всю страну оболгал! Ау! Это из-за него ты лишилась карьеры, мужа, привычной жизни...

– Мужа она лишилась потому, что тот слабаком оказался.

Нечего ему было делать рядом с нашей Яськой... – возразила Катя и была права. Соловьев не был виновен в моем разводе со Стоцким. Просто у того не оказалось яиц. Мнение избирателей для него было важнее жены. А потому он подал на развод сразу, как только мне с подачи Соловьева были предъявлены обвинения.

– Да к черту его... Что было – то прошло. Не хочу вспоминать. Мне бы с настоящим разобраться.

Я растерла лицо руками и поежилась. День какой-то дурацкий. И Соловьев этот – как лишнее напоминание о счастливом прошлом... Думала, что хуже уже не будет – и вот, пожалуйста.

– С настоящим – это проще простого.

– Правда? – удивилась я.

– Угу. Ты ведь можешь восстановить номер!

– Точно... – Я с шумом выдохнула. Вот ведь, как просто...

И если бы моя паника не была такой сильной, я бы и сама до этого догадалась. Просто восстановить номер... Тоненький голосок внутри пропищал: а дальше что? Ждать, когда Птах позвонит? И позвонит ли... Год прошел с нашего последнего разговора. Он никогда не пропадал так надолго. Да, порой бывало, что тот месяцами не объявлялся. Если уезжал в какую-нибудь Намибию или... когда у него появлялась женщина. Птах, конечно, не говорил мне об этом прямо. А я... я просто чувствовала это каким-то странным звериным чутьем. Как чувствовала и то, что это всё несерьёзно и, может

быть, поэтому не ревновала.

– Ну, что, так и будем стоять? По домам или куда-нибудь двинем?

– Я уже Коле позвонила, он сейчас за нами приедет, – вздохнула Катя.

– Вот и хорошо. А то я что-то устала. Если что, мы бы и на такси могли.

– Да ладно, нам не трудно...

– Нет, все же странно, что Соловьев объявился. Тут на днях во всех новостях трубили, что его, наконец, освободили из плена.

– Какого еще плена? – нахмурилась я.

– Деталей не знаю, но говорят, что его с еще одним журналистом из Ассошиэйтед пресс взяли в заложники и почти год продержали в плену в какой-то африканской стране. Где там сейчас война? Не помнишь?

– В Судане? – пожала плечами Катя.

– Неважно. Может и там... Только главное, знаешь, что? Главное, что бог – не Тимошка. Вот и Соловьев получил по заслугам за все, что с тобой сделал.

– Да ладно, Нин.

– Ну, а что? Все по справедливости! Ты из-за него в жопе мира батрачишь, хотя могла бы в лучших столичных клиниках карьеру строить. У тебя же руки золотые, Яська.

– А его жену не спасла...

– Но ты ведь не виновата! По протоколу работала? По про-

токолу! Все, как надо, сделала? Сделала! До последнего боролась, я тебя знаю... Скажешь, нет?

Что тут можно было сказать? Я действительно не из тех, кто сдаётся. И в тот день до последнего боролась за пациентку. Зубами её вытаскивала. Всеми жилами. А нет... Не получилось. И права Нинка. Не было моей вины в случившемся, да только какое это имеет значение, когда человеку нужно... просто жизненно необходимо найти крайнего? Потому что иначе не получается смириться с утратой. Потому что жизнь потеряла смысл, и лишь жажда мести заставляет двигаться дальше?

– Катя, ну, что теперь? Век мне его ненавидеть?

– Не вижу в этом ничего плохого, – фыркнула та.

– А я вижу. Ненависть – неконструктивное чувство. Нельзя его культивировать, – поддержала мою мысль Катя.

– Вот именно, нужно как-то дальше жить.

– Да разве ты живешь? – фыркнула Нинка, сбрасывая с ног осточертевшие туфли.

– Еще как... – Я отступила на шаг назад, вскинула руки, взбивая порядком поникшие волосы. Имитируя микрофон, поднесла к губам руку и, пошевелив бровями, запела: – FirstIwasafrail, Iwaspetrified.

– О, мамочки...

– Только не Iwillsurvive! – в один голос взмолились подружки. Да только кто ж их слушал? Поймав странный пьяный кураж (алкоголь-таки должен был когда-то подействовать), я

еще громче запела:

– Oh no not! I will survive!¹

– Клянусь, если у ада есть гимн, он звучит как-то так... – хрюкнула от смеха Катя.

– А я говорила – напьется! – пробубнила Нинка, а потом, плюнув на все, присоединилась к моему пьяному соло. Так я и знала, что она не выдержит. В конце концов, подруги мы, или так?

---

¹ I will survive! – речь идет об известнейшей песне Глории Гейнор «Переживу» или «Я буду жить».

Глава 2

Это было ошибкой. Прийти сюда после всего, что случилось. После года, проведенного в борьбе за жизнь, когда не знаешь, что будет завтра. И будет ли это завтра вообще. Я оперся двумя ладонями о раковину и поймал собственный взгляд в отражении зеркала. Зачем это все? Для чего? Что я забыл среди этих людей? Отражение молчало и буравило меня испытывающим взглядом. Я хмыкнул. Отвел глаза, открыл кран и уставился на бегущую воду. Еще месяц назад о такой роскоши я не мог и мечтать. Всего какой-то месяц...

– Ну, что стоишь? Погнали. Не то самое веселье пропустим. Сейчас Дашка будет танцевать. Дашка, помнишь? Девочка из гоу-гоу.

Я оглянулся на своего агента. Дернул головой:

– Я пас. Мне домой надо. Давай по делу... Что там у нас осталось?

– Да ничего. Формальности улажены. Все, как ты просил. К твоим услугам местные гиды и проводники. Со всеми договорились. Контракт тоже согласовали. Со дня на день подпишем.

– Отлично, – кивнул я, довольный, что все складывается как нельзя удачно.

– Слушай, мы так и будем в туалете стоять?

– Это единственное более-менее тихое место.

– Я думал, ты захочешь развлечься, – оправдывался Кир-рыч. Я хмыкнул. Вытер руки белоснежным полотенцем и растерянно на него уставился.

– Просто положи его к грязному. Вот сюда... Уборщица заберет.

– Думаешь, я совсем одичал? – усмехнулся я, испытывая странное удовольствие от растерянности помощника. Не все ж мне одному это делать?

– Нет. Просто не пойму, какого черта ты медитируешь над этой тряпкой.

– Да так... Удивляюсь контрастам.

Кир вздохнул. Растер лысеющий затылок. Обернулся, когда дверь в туалет открылась, и, проводив взглядом прилично подвыпившего мужика, заметил тихо:

– Ты больше не в Африке, брат. Здесь так. Привыкай...

Да... Здесь так. Бессмысленно и беспощадно. Я равнодушно кивнул. Толкнул дверь, потому что прятаться в сортире было действительно глупо, и двинулся через разношёрстную, разгоряченную танцами и алкоголем толпу.

– Осторожней... – пробормотал я неожиданно налетевшей на меня девице, как-то отстраненно отмечая её совсем не клубный прикид – джинсы и простую хлопковую рубашку.

– Извините, – без тени раскаяния парировала та на ходу. Какие-то доли секунды, мимолетный поворот головы, взгляд, будто сквозь... и я узнал её! Стоцкую... Яну Вален-

тиновну.

– Эй, ты чего застопорился?

– Да так... Показалось.

Ага... Как бы не так. У меня наметанный взгляд профессионального фотографа. И ту, которую ненавидел столько времени, я бы ни с кем не спутал. Даже учитывая те четыре года, что прошли с нашей последней встречи.

– Кстати, что там с моим телефоном? – сменил тему, чтобы даже мысленно не возвращаться к тому, что было. За нашим столиком уже собралась приличная толпа, и желание свалить как можно скорее стало по-настоящему непреодолимым. Я даже садиться не стал. Вытащил из-под чьей-то пятой точки свой порядком измявшийся спортивного кроя пиджак и вопросительно уставился на агента.

– К сожалению, номер восстановить не удастся. Но я купил тебе карточку и новенький айфон. Синхронизируешь со своим аккаунтом, и даже не придется восстанавливать телефонную книгу... Где-то здесь был пакет.

– Постой-постой. Мне не нужен новый номер. Ты разве не понял? – я ухватил за руку суетящегося Кира. – Мне нужен мой номер!

Я подчеркнул интонацией последние пару слов и замер в ожидании его ответа.

– Тебя не было год, братан. Услугами связи ты не пользовался, а твой баланс никто не пополнял.

– Какого хрена? Ты не в курсе, почему так произошло? –

Непроизвольно я стиснул руку агента еще сильнее.

– Эй-эй! Полегче, ладно? Я-то в курсе. Но у оператора были все основания заблокировать твою симку. Теперь уже что?

Я разжал пальцы и отступил на шаг. В ушах ревело, и мне, как псу, пришлось несколько раз тряхнуть головой, чтобы прийти в себя. Я провел по лицу подрагивающими ладонями.

– Мне нужен мой номер!

– Послушай, брат! Я сделал все, что мог...

– Значит, сделай больше! Мне нужен мой... грёбаный... номер! – взревел я. Что здесь непонятного, господи?! Мне просто нужен именно этот номер... Чтобы именно по нему меня смогли бы найти. Разве это так сложно?!

– Окей... Окей! Не бесись. Я попробую что-нибудь придумать. Может, расскажешь, какого черта происходит? Говорю же, что все твои контакты мы можем восстановить и так.

– Мне могут позвонить, – просипел я и, выпятив вперед указательный палец, повторил. – Просто сделай это. Верни мне мой номер.

– А ты сам позвонить не можешь?

– Что?

– А ты сам позвонить не можешь? – повторил свой вопрос Кирыч.

Я провел рукой по лицу. Растер колючий подбородок, чувствуя, как ноги подкашиваются от облегчения, волной про-

несшегося по телу и ударившего под колени. И тут же снова вернулся страх. А что, если я не помню?! Что, если забыл эти проклятые цифры? Наверное, со стороны в этот момент я выглядел как безумец. По крайней мере, разговоры и смех за столом стихли, и я уже мог примерно представить, о чем думают эти придурки. Решили, что Данил Соловьев уже не тот, что Данил Соловьев тронулся в этом вашем Судане... Да к черту, что они думают. К черту их всех.

– Номер все равно восстанови, – пробормотал я, ткнув на прощание указательным пальцем в грудь Кирыча.

– Да погоди ты. А пакет? Здесь все... телефон, твой новый номер и восстановленная пресс-карта.

Я забрал из рук Кира пакет и, не прощаясь, пошел прочь. В тишину.

От клуба до моего дома было рукой подать, и я решил прогуляться. После года, проведенного в заключении, почти без движения, мне стоило больше двигаться, чтобы вернуть себе прежнюю форму. И я не упускал ни единой возможности.

Я перешел улицу и побрел вверх по тротуару, когда услышал это... Акапельное пение трех подвыпивших дамочек. Непонятно, почему, но я обернулся. Замер, без тени улыбки наблюдая за, наверное, довольно смешным перформансом. Гадая, что же в происходящем заставило меня остановиться. Или... скорее, кто?

Яна Валентиновна Стоцкая... Врач первой категории.

Уникум и чудо, как утверждала Леська. Я растер переносицу, отвернулся и зашагал прочь. Но это не помогло, меня преследовали видения прошлого.

– Я её нашла! – заявила моя жена, падая на стул в одном модном столичном ресторанчике, в котором мы пересеклись за обедом.

– Правда? И кого же ты нашла?

– Врача, который нам поможет.

Улыбка на моих губах застыла. Ей богу, к тому времени мне уже порядком осточертели эти разговоры. Но Леська как будто помешалась на идее родить. Свято веря в то, что это позволит нам укрепить брак. Как будто наш брак в этом нуждался...

– Мне ее Карелина посоветовала. Помнишь Карелину? Редактора из отдела новостей? Хорошая баба. Говорит, семь лет с мужем старались, и все никак. А потом пошли к этой Стоцкой и о, чудо! Двойня... Представляешь?

Откровенно говоря, я не представлял. Мне хоть бы к мысли об одном младенце привыкнуть, а тут...

– Представляю.

– Так вот, я почитала, что об этой Стоцкой пишут в сети, и если хоть половина из этих историй правда – мы на верном пути. Клянусь, на нее, как на икону, мамашки молятся. Говорят, что если у Стоцкой не забеременеешь, то всё... пиши пропало. Причем многие даже до ЭКО не доходят. Все естественным путем получается!

– Чудо-то какое...

– Эй! Ты, кажется, не рад?

– Я не знаю. У нас за последние годы сколько попыток было, а, Лесь? Зачем это все? У нас Светка есть? Есть. Вот не было бы её – я бы еще понял, а так...

– Так я и знала. Ты просто охладел ко мне. С тех пор, как я осела дома, ты...

– Это еще тут при чем?

– При том! Ты как будто отдалился от меня.

– Это неправда.

– Почему же я чувствую себя такой одинокой?

– Я в работе весь, под завязку... Ты же знаешь, Лесь.

Я перехватил ладошку жены и легонько сжал. Может быть, нашим отношениям и не хватало страсти, но Леську я любил. Как любят доброго друга, или боевого товарища. Я с ней сросся, сплелся корнями.

– Тогда... Пожалуйста, давай попробуем? Я тебе сына рожу...

Она улыбнулась своей фирменной улыбкой, и я согласился. А уже через неделю мы пришли на свой первый прием к Стоцкой. И я залип на ней... Она что-то говорила, спрашивала, а я сидел и пялился на нее, как дурак, представляя, как было бы круто ее сфотографировать. Да, меня, как любого приличного фотографа, заворачивали лица. А в Стоцкой... в Стоцкой было на что посмотреть. Она была совершенна.

Даже когда почти год спустя она вышла из родзала, чтобы

сказать, что Леська с ребенком погибли, я не сразу смог сосредоточиться на ее словах. Поначалу просто смотрел в ее посеревшее лицо, в попытке понять, куда делись присущие ему краски? Ведь даже васильковые глаза Стоцкой в тот момент выцвели, будто кто-то белил добавил в их яркую синь.

– Данил, вы меня слышите?

– Что?

– Мы сделали все, что могли.

– Что? – я попятился, чуть не сбил с ног медсестру, опрокинул тележку с лекарствами.

– Мне очень жаль.

Жаль? Ей было жаль?! Весь мой мир рушился, летел к чертям, а ей... ей было жаль?

Совсем рядом взвизгнули шины. Отвыкший от этих звуков, я шархнул в сторону. Налетел на мусорный бак. Чуть было не сбившая меня машина остановилась. Резко сдала назад. Стеклоподъемник опустился, и из окна высунулась лохматая голова.

– Совсем ополоумел?! Смотри, куда прешься...

– Извини, мужик... Извини.

– Ты как вообще? Нормально? – сбавил обороты водила.

– Ничего. Жить буду.

– Ну, давай. Под ноги смотри, камикадзе.

Я кивнул и поплелся к дому. Поднялся на свой двадцать восьмой этаж. Стараясь сильно не греметь замками, открыл квартиру. Я купил ее сразу после Леськиной смерти. Потому

что больше не мог находиться в нашем с ней доме. Здесь же было просторно и светло. А главное – ничего не напоминало о том, чего я лишился. Дверь, ведущая на террасу, была приоткрыта. Я уселся на порог и уставился вдаль. Сколько бессонных ночей я провел здесь? Один... но чаще в обществе Тени...

Руки сами собой потянулись к телефону. Сейчас я отдал бы полжизни за то, чтобы ее услышать. Я бы отдал полжизни... Пока разобрался с новым телефоном, пока трясущимися непослушными пальцами всовывал симку, которая теперь была даже не микро... Чтоб его!

Когда экран приветливо мигнул ярким светом, я уже едва не подпрыгивал от нетерпения. Только бы услышать ее... только бы услышать. Скорей! Сердце колотилось, как сумасшедшее. Мы с ней год не разговаривали. Уже почти целый год... И за это время могло так много всего случиться. Черт!

– Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

Я отвел трубку от уха и ухмыльнулся. Все как в старые добрые времена. Ничего не поменялось. Я не знал, где конкретно жила моя Тень. Мне было известно лишь то, что связь там была хреновая, и порой, чтобы поговорить со мной, Тени приходилось выбираться из дома и идти «на насыпь», как она ее называла. Что это было, я не знал. Столько раз хотел спросить, но всегда находились какие-то другие темы.

За спиной послышался шорох. Щелкнул выключатель.

– Сынок? Ты чего здесь прячешься?

– Да так. Вышел поговорить кое с кем.

– С той женщиной? Ты все еще с ней общаешься?

Я пожал плечами и встал, понимая, что побыть в одиночестве мне не удастся.

– Это так странно, Даня...

– Не понимаю, что тебя смущает.

– Вы ведь даже не знакомы толком, а ты...

– Что я? Ну, что я, мам?

– Ты как будто только этими разговорами и живешь... Так нельзя. Она не Леся. И то, что этой женщине достался ее телефонный номер, ничего не меняет.

– Мам, я в курсе. Проехали, хорошо?

– Но...

– Пожалуйста. Давай не будем об этом. Лучше расскажи, как там Светка. Мне кажется, она не совсем отошла, после моего возвращения.

– Еще бы... Я и сама еще не отошла, – мать подошла ко мне вплотную и положила голову на мою грудь. – Никто не верил, что ты выживешь... Никто.

– Ну, ладно, не плачь, мам... Все ведь уже позади. Ну, что ты... а? Не надо, слышишь? Я жив. Все хорошо... – приговаривал я, укачивая рыдающую мать в объятьях.

– Все... Все. Я прекращаю. Не обращай внимания.

– Ага, как же. Не обращай. Всю рубашку мне промочила...

– Разве это рубашка? Тряпка тряпкой висит. Худющий... Тебя там совсем не кормили? Не кормили, знаю... Им там и самим жрать нечего-о, – еще горше заплакала мама. Я запрокинул лицо к потолку и похлопал её по плечу. Подумаешь... Потеря веса – это не самое худшее, что со мной случилось за это время. Зажатый в руке телефон тенькнул. Сердце рвануло из груди. Я выпустил мать из объятий и нажал на иконку входящего сообщения. Ваш баланс... Черт! Черт! Черт... А ведь я так надеялся, что это Тень... У меня руки тряслись в предвкушении.

Ничего... Ничего, брат, успокойся. Ты год этого ждал. Несколько часов ничего не изменят. Сделав вид, что не замечаю пристального взгляда матери, я прижался губами к ее лбу и прошептал:

– Я пойду, Светку поцелую, и спать... Что-то никаких сил не осталось.

Глава 3

Голова болела. Но, может быть, так даже лучше. По крайней мере, в неё, гудящую, не лезли всякие мысли.

– Зеленая! Говорила же тебе, не надо столько пить...

– Ты себя-то давно в зеркало видела? – фыркнула я, опуская на нос очки. Так было намного лучше.

Нинка отмахнулась и, озираясь по сторонам, нетерпеливо заметила:

– Что-то Катька опаздывает.

– Ну, если ее не увижу, передавай привет. И в гости прилетайте. У тебя когда отпуск?

– В августе. Я же говорила! – возмутилась Нинка.

– Прости, голова дырявая. А вон и Катька бежит.

Мы с Нинкой обернулись к спешащей нам навстречу подруге и замахали руками.

– Дурдом! – пробормотала она, запыхавшись. – На входе сломалась одна из лент, и теперь там такая очередь...

Заглушая сбивчивую речь подруги, раздался механический бездушный голос:

– Началась посадка на рейс У... до Б...

– Это мой! – пробормотала я, сверяясь с посадочным талоном.

– Ну, давай тогда присядем на дорожку.

Я кивнула и уселась на стоящий чуть в стороне чемодан.

Каждый раз возвращаясь на свое озеро, я чувствовала себя так странно... С одной стороны – я там выросла. Там прошло мое детство, там жили мои родители, а в могилах лежали предки. С другой... я всегда, с самого детства, мечтала вырваться из глубинки. Большой город манил меня открывающимися возможностями. Я никогда не сомневалась, что покорю столицу и запросто в ней приживусь. К слову, до определённого момента так все и было. Предчувствия вообще редко меня обманывали.

– Ну, все! Я помчала...

– Беги! – подруги налетели на меня с двух сторон и сжали в крепких объятиях. Мы столько дорог прошли вместе.

– Жду вас у себя! В августе, да? – прокричала я уже из очереди на паспортном контроле. Катя с Нинкой синхронно кивнули головой. Я улыбнулась.

– Паспорт и билет, – недовольно окликнула меня сидящая за стойкой тетка. Я перехватила съехавший набекрень рюкзак и протянула нужные документы. Та долго пялилась то в них, то на меня. Перебирала страницы потертого паспорта. Но потом все же, не найдя, к чему придраться, шлепнула печати в билет.

– Следующий!

Волоча за собой чемодан, я прошла к нужному гейту и уперлась в хвост длиннющей очереди, которая, впрочем, двигалась довольно быстро. Так же оперативно мы прошли в самолет. Нам был подан телескопический трап, и мне не

пришлось мокнуть, поднимаясь на борт по обычному. Как назло, с самого утра пошел дождь.

Мое место было у прохода. Два соседних сиденья пустовали. Я затолкала на верхнюю полку свой чемодан, рюкзак подложила под ноги и, нацепив на шею специальную подушку, закрыла глаза.

– Дамы и господа, говорит капитан корабля Иван Збруев. Наш самолет готов к вылету. Ожидаем опоздавших...

Я открыла глаза и покосилась на два пустующих места. Вот как так можно? Весь самолет ждет, а они... Уроды.

Минут через десять у трапа наметилось какое-то движение. Я недовольно насупилась и вытянула шею. Мать моя! Да это же Соловьёв... собственной персоной. А за ним девочка-подросток. Лет пятнадцати-шестнадцати. Ах, да... У них с женой была старшая дочь. Удивительно, как много в моей памяти было сведений, касающихся этой семьи.

Соловьёв обвел взглядом салон. Я, напротив, впялилась в пол и взмолилась: хоть бы кроме них были еще опоздавшие, хоть бы кроме них...

– Извините, вы не могли бы нас пропустить? – раздался хриплый голос прямо над ухом.

Черт! Черт! Черт! Не поднимая взгляда, я встала. Протиснулась вбок. Я не видела лица Данила и не знала, понял ли он, кто будет его соседкой. Да и какая разница?! Ну, не выпрыгнет же он из самолета? Отсюда теперь хода нет.

– Я сяду у окна, – пробормотала девочка, первой про-

скальзывая в пространство между рядами.

– Как хочешь.

Наконец все уселись, и я смогла занять свое место. А может, и зря это случилось так быстро. Я совсем не успела смириться с мыслью, что следующие несколько часов проведу так близко к человеку, который меня ненавидел.

В жизни бывают моменты, которые врезаются в память навсегда. И как мы ни хотим их оттуда выкорчевать, какие усилия ни прикладываем, они сидят там, как будто в засаде, а потом вырываются на волю кошмарами и отравляют всю твою жизнь. Таким моментом для меня стал день смерти Алеси Соловьевой. И, знаете какая штука? Я знала, что моей вины, как врача, в её гибели нет. Я это знала, потому что, будто одержимая, прокручивала детали происходящего снова и снова. Для себя самой, для следователей прокуратуры, которых на меня натравил Соловьев, для собственного же начальства, которое бросило меня на съедение волкам... Я знала, что моей вины нет, да. Но это знание никак не мешало в себе сомневаться. И я возвращалась в тот ад раз за разом. Как только с ума не сошла?

А может быть я и сошла? Что, если Птах был лишь вымыслом моего больного воображения? Что, если его на самом деле и не было? Я дернулась. Отстегнула ремень и, нашарив на полу рюкзак, рванула застежку. Мои пальцы дрожали, поэтому трубку я нащупала далеко не сразу. Телефонная книжка, заветный номер, кнопка вызова...

– Пожалуйста, на время полета отключите телефон или переведите его в авиарежим.

Я качнула головой, соглашаясь с требованиями склонившейся надо мной стюардессы, но трубку от уха не отняла, пока не услышала механический голос робота, утверждающего, что такого номера не существует.

– Пожалуйста! Выключите телефон или переведите его в авиарежим, – в голос стюардессы просочились звенящие нетерпением нотки.

– Да господи боже! Сделайте, как вас просят, и, может быть, мы, наконец, взлетим!

Я оглянулась. Наши с Соловьевым взгляды скрестились, как шпаги.

– Мы бы уже давно взлетели, если бы вы не задержали весь самолет, – не осталась в долгу я. К темным, загоревшим дочерна щекам Данила прилила кровь, глаза полыхнули пламенем. В нем что-то неуловимо изменилось за эти пять лет. Он стал жестче, непримиримее, злее... Что тому виной? Смерть жены или плен?

Боже, да какая мне, к черту, разница? Нашла о чем думать...

Демонстративно медленно я выключила телефон, но убирать обратно в рюкзак не стала, будто тот стал единственной ниточкой, которая удерживала меня в реальности. После потери старенького Самсунга у меня не осталось ни единого доказательства того, что Птах вообще был в моей жизни. Ни

единого... Вместе с древним гаджетом я потеряла всю нашу переписку. Я потеряла все...

Чтобы окончательно не спятить, или, напротив, сдаваясь безумию в плен, я мысленно вернулась в день нашего с Птахом знакомства.

Тот день тоже начался с перелета. После года изматывающих разбирательств, после развода и дележки имущества, после утраты работы и хоть каких-нибудь перспектив я возвращалась домой. В зоне прилета меня встречал взволнованный отец. Букетик ландышей в его огромных заскорузлых от тяжелой работы руках выглядел так трогательно, что я не сдержала слез, хотя была уверена, что их во мне не осталось.

– Ну, что ты... Что ты, милая? Все хорошо, хорошо... Вот, на... Вытри нос, рёва!

В руки мне перекечевал идеально чистый платок, а в руки отца – мои чемоданы.

– Худющая! Ну, ничего, выходим. Мама там такой стол накрыла...

Я плакала и смеялась, гладила отца по руке, с трудом подстраиваясь под его широкий шаг, и крутила головой во все стороны. Со времен моего последнего визита здесь многое изменилось к лучшему. Мое внимание привлекла вывеска одного из операторов связи. И я подумала, что было бы неплохо начать новую жизнь не только с чистого листа, но и с нового номера телефона. На старый мне, один черт, уже никто бы не стал звонить.

Попросив отца подождать, я зашла в магазин и купила себе новый стартовый пакет. Тогда я не знала, что эта покупка перевернет всю мою жизнь. А если бы знала... то ничего бы не изменила. Сейчас я это отчетливо понимала, хотя до этого, признаться, у меня и были такие сомнения.

Телефон зазвонил поздно ночью, когда мы, вдоволь насидевшись с родней за праздничным столом, разбрелись по своим комнатам. А мне не спалось. Я, как в детстве, выбралась из окна, подхватила забытую на столе наполовину опустошенную бутылку наливки и пошла вверх по улице. До амбулатории, которую мне здесь предстояло возглавить, было рукой подать, а мне кого-то черта приспичило её увидеть.

Зрелище было печальным. Я села на полуразрушенную скамейку, от которой какой-то умелец отвинтил несколько деревянных брусьев, и поднесла к губам горлышко бутылки. Полуразваленная сельская амбулатория, в которой никто не хотел работать – вот к чему я пришла. Было горько. Горько в душе и во рту, и я запивала эту горечь приторно-сладкой вишневой наливкой.

Телефон зазвонил, когда я, уже прикончив бутылку, решила возвращаться домой. Скорее по привычке, чем из интереса, я приложила трубку к уху. Раньше мне часто звонили пациенты или коллеги. Я привыкла часами висеть на телефоне.

– Да? Ну, же? Вам чего? Говорите!

Помнится, я икнула. Это показалось мне ужасно забав-

ным, и я прыснула со смеху, зажав динамик рукой.

– Вы кто? – спросил хриплый мужской голос, уже тогда этот голос царапнул у меня что-то внутри. Уже тогда...

– Кто я? Хм...

Тот вопрос поставил в тупик меня, пьяную. Как будто меня о смысле жизни спрашивали, или просили высказать свое отношение к проведению гей-парада.

– Я... Тень.

Теперь, спустя столько лет, я понимала, почему так представилась. В тот момент я и была тенью. Тенью прежней себя. Всего лишь блеклой невзрачной тенью...

– Откуда у вас этот номер?

– Из магазина, – чистосердечно призналась я, не понимая, почему мужчина на том конце связи так непозволительно груб.

– Из какого, мать его, магазина? Это номер моей жены...

– Серьезно? – я отвела трубку от уха и покосилась на дисплей, как будто могла там отыскать подтверждение слов собеседника.

– Вы что там, пьяная?

– Ага. Жизнь – дерьмо, вы знаете?

На том конце связи с шумом выдохнули.

– Я знаю... Знаю, да.

Незнакомец еще немного помедлил и отключился. Я тоже спрятала телефон. А потом всю дорогу домой гадала, отчего у него такой хриплый голос. От того ли, что много курит,

или потому что простыл... А может вообще его голос такой с рождения. Я даже перезвонила ему, чтобы спросить. Но он был вне зоны доступа. Потом, проспавшись, я бы, может, и не вспомнила о нем никогда, если бы он не прислал sms. Первое. Дерзкое.

«Надеюсь, у тебя есть, чем похмелиться. Иначе твоя жизнь станет еще дерьмовее».

«Смотрю, у тебя большой опыт в этом направлении», – вернула я подначку и вдруг поняла, что мне нравится общаться вот так. Ничего друг о друге не зная. В последнее время меня только и делали, что жалели. А этот мужик... он ведь ни черта обо мне знал – вот и не церемонился.

«Угу. Так что послушай мудрого – похмелись...»

Я улыбнулась, но похмеляться, конечно, не стала. Меня ждал первый рабочий день, я не оставила себе времени на раскачку, хотя никто меня не подгонял. Я по собственной воле приняла такое решение. Бездействие убивало, да и в голову лезло всякое. Работа могла стать для меня спасением.

В реальность меня вернул голос стюардессы, которая оповестила по громкой связи, что мы заходим на посадку. Я открыла глаза и привела спинку кресла в вертикальное положение, как просили. Растерла пекущие от недосыпа глаза. Едва шасси коснулось земли, Соловьев, которого я старательно не замечала все время полета, пошевелился. Достал телефон и забегал длинными по-мужицки красивыми пальцами по сенсорному дисплею. Приложил трубку к уху. Но, так и не до-

звонившись, отбил вызов. Выругался тихонько. И снова принялся кому-то звонить. Несмотря на просьбы оставаться на своих местах до полной остановки самолета, народ повскакивал с кресел и теперь занимался тем, что выгружал свой багаж с верхних полок. Я решила не торопиться и теперь, скосив взгляд, наблюдала за своим соседом.

– Кирыч? Привет... Да, да... Сел. Встречающие? Я не в курсе. Мы все еще на борту. Я хотел спросить, как там дела с восстановлением моего номера?

Глава 4

– Данил, это не так просто. Я ведь объяснял! Мне такие связи придется задействовать, ты бы знал!

В салоне началось движение – народ торопился к выходу, как будто мог не успеть выйти.

– Пап, ты решил здесь сидеть до скончания века? – подала голос Светка. Я мазнул по недовольной физиономии дочери взглядом и встал. Хотя толку от этого было немного. Стоцкая, кажется, решила пропустить вперед всех желающих.

– Данил, ты меня слышишь?

– Прости... Здесь очень шумно. Так, что ты сказал? Связи? Ну, так задействуй их все, Кир, это всего лишь телефонный номер, а не донорское сердце. Всего лишь проклятый номер.

Я отбил вызов и нетерпеливо уставился на Стоцкую. Наконец, та протиснулась в проход, я сунулся следом, сжимая в руках баулы, но был снова задержан – Яна Валентиновна доставала с верхней полки чемодан.

Торопиться мне было особенно некуда – один черт ждать багаж, и какая разница, где это делать? Так что моя злость была неоправданной. Говоря откровенно, по отношению к Стоцкой неоправданным было все. Теперь, после стольких независимых экспертиз, я знал, что её вины в гибели Леськи нет. Я знал... и все равно злился. Может быть, по привыч-

ке. Ведь тогда, чтобы не сойти с ума, я культивировал свою злость всеми доступными способами. Злость давала мне силы бороться и двигаться дальше. Это уже потом пришло понимание, что я боролся с ветряными мельницами. А тогда... Я фанатично уверовал в то, что именно Стоцкая виновата во всех моих бедах. И я не нашел в себе силы отречься, даже когда у меня не осталось ни единой причины её винить.

Да, первый год, после смерти Лески и сына, я жил лишь жаждой мести. А потом... потом в моей жизни появилась Тень. И все изменилось.

Наш первый разговор случился... господи, страшно подумать! Четыре года назад. Я как раз закончил ремонт в своем пентхаусе, и мы со Светкой переехали. Я был дерьмовым отцом. Знал, что нельзя вырывать ребенка из привычной среды. Знал, и все равно сделал так, как было легче мне самому. Не слушая протестов ни собственной матери, ни матери Леськи, ни Светкиных истерик. Я поменял все. Загородный дом на квартиру, гимназию на простую школу, размеренную жизнь в глуши на суету мегаполиса, шум которого заглушал мою боль. Но иногда боль становилась нестерпимой. Я открывал телефон. Перелистывал фотографии, говорил что-то в темноту... Порой вообще забывая, что Леськи нет. Что меня больше просто некому слушать! Что теперь моим собеседником был разве что бездушный голос робота, который каждый чертов раз повторял, что аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

Я все еще зачем-то звонил ей. В надежде, что она ответит мне с того света? Дерьмо... Не думайте. Я не спятил. И не названивал в пустоту, как какой-то маньяк. Лишь когда совершенно не оставалось сил. Лишь когда моя боль превращалась в агонию.

В тот день я сидел на террасе и пялился в полуночное небо, проклиная чертов город с его огнями, из-за которых было совершенно не видно звезд... Лишь тонкий серп луны, зацепившись за шпиль высотки, украшал кобальтовый купол неба, под которым мне было так херово. Я приготовился услышать давно выученные на память слова. Телефон абонента выключен или... А вместо в трубке раздалось звонкое:

– Да? Ну, же? Вам чего? Говорите!

Ей богу, я тогда вскочил, как ужаленный, и поговорка «сердце упало» с того момента обрела для меня новый смысл. Я буквально чувствовал, как оно падает, оставляя за собой обугленный черный след.

– Вы кто? – спросил я, преодолевая мучительный спазм, сжавший горло.

– Кто я? Хм... – на несколько секунд в трубке повисла пауза, как будто барышня на том конце связи всерьез задумалась над моим вопросом. – Я... Тень.

Тень? Что за черт? – подумал я. – Тогда уж скорее призрак. Я столько раз умолял небо дать мне побыть с Леськой еще немного... Как угодно побыть, хоть во сне! Но она мне ни разу... ни разу так и не приснилась, и вот теперь... Может

быть, я спятил?

– Откуда у вас этот номер?

– Из магазина!

Я растер лицо пятерней, давая себе команду успокоиться, но ни хрена! Ни хрена не получалось. От безумия меня спасало только то, что голос в трубке был совершенно чужим. Все же это была не Леська...

– Из какого, мать его, магазина? Это номер моей жены...

– Seriously?

Она меня взбесила. Женщина на том конце связи. И я обрадовался этому чувству. Злость – лучше, чем ничего. Злость – это хоть что-то. Пустота внутри меня убивала. И я цеплялся за любую эмоцию. Пропускал ее вглубь себя, затыкал ею пасть черной безнадеги, которая меня сжирала.

– Вы что там, пьяная?

– Ага. Жизнь – дерьмо, вы знаете?

Я задохнулся. После похорон я только и слышал, что с уходом жены и сына моя жизнь не закончилась, что она, мать его, продолжается, такая прекрасная – ты только оглянись! И лишь эта пьяная в лоскуты тетка мне не врала. Жизнь – дерьмо. Такое дерьмо, господи! Мне захотелось расцеловать ее за эту уродливую беспощадную правду. Мне захотелось ее расцеловать... Однако все, что я мог тогда – лишь просипеть:

– Я знаю... Знаю, да.

И это тоже было правдой.

Я в ту ночь так и не уснул, хотя с самого утра у меня было полным полно дел. Намечалась командировка в Мали, и мы с ног сбились, готовясь к этому опаснейшему путешествию. Я и раньше работал в горячих точках, а после смерти Леськи и вовсе стал соваться в каждую передрыгу. В Мали тогда было жарко. Исламисты готовили наступление на Бамако, и я был одним из немногих журналистов, получивших там аккредитацию, а значит и право на освещение происходящих событий. Еще бы, их было много... Опасность была слишком высокой.

От недосыпа пекло глаза, как будто я опять попал в песчаную бурю. Я приготовил кофе, залил молоком овсянку для Светки и непонятно для чего написал:

«Надеюсь, у тебя есть, чем похмелиться. Иначе твоя жизнь станет еще дерьмовее».

Ответ не заставил себя ждать.

«Смотрю, у тебя большой опыт в этом направлении».

Я усмехнулся. У каждого уважающего себя мужика имелся подобный опыт. Не сказать, что у меня он был большим. Я бы, может, и стал закладывать за воротник, если бы выбрал настолько долгий путь саморазрушения. Но мне предпочтительней были более верные способы. Командировка в раздираемый войной и ракетными ударами Мали – чем не выход из ситуации?

«Угу. Так что послушай мудрого – похмелись...»

– Пап, ну, ты уснул, что ли?! – привел меня в чувство раз-

драженный голос дочери. – Вот наш чемодан!

Я тряхнул головой, сбрасывая с себя обрывки ускользающих воспоминаний, и попытался протиснуться к ленте, на которой наши чемоданы и правда заходили уже на второй круг. Если бы не Светкины шмотки, никаких бы чемоданов мне не потребовалось, и я бы сразу пошел на выдачу негабаритного багажа, где меня ожидало мое оборудование. В таких случаях я всегда волновался – не повредили ли чего. И успокаивался лишь тогда, когда появлялась возможность убедиться, что все в порядке.

Светкин чемодан был тяжелым, а я слишком слабым, после африканского плена. Хрен бы я справился с этим баулом, если бы не огромный кряжистый мужик, который пришел мне на помощь.

– Соловьев?

– Соловьев!

– Ну, добро пожаловать, что ли! Вообще – я ваш проводник. Но поскольку вы будете жить в моем доме – то, считай, и мамка, и папка. – Мужик протянул мне широкую ладонь. Рукопожатие вышло крепким. – Астафьев Валентин Петрович – егерь Ч... заказника.

– Данил Соловьев. Это моя дочь – Света.

– Здравствуйте, – поздоровалась Светка не слишком приветливо. Дерьмо. Может быть, и правда не стоило её сюда тащить? Она привыкла к жизни в большом городе, и все здесь, должно быть, казалось ей чуждым. Но я думал, что перемены поз-

волят нам сблизиться. Ведь с тех пор, как Леська умерла, мы только и делали, что отдалялись. И я много раз задавался вопросом, почему так?

– Здравсте... – ухмыльнулся мужчина. – Ну, что? Пройдем?

– Мне на выдаче негабаритного груза еще нужно оборудование получить. Нам бы большой багажник, надеюсь, Кир не забыл вас предупредить.

– Не переживайте. Все вместится.

В общем, возня со всем этим добром у нас отняла довольно прилично времени. К тому моменту, как мы вышли из терминала, Светка успела посадить батарейку в айпаде и порядком известись. Под ее недовольное сопение мы преодолели две полосы с односторонним движением и оказались на стоянке. Валентин Петрович подошел к древнему УАЗику и открыл дверь.

– Мы поедем на этом?

– На другом до нас не добраться, – снова улыбнулся мужчина, подхватил самый тяжелый из чемоданов и загрузил прямо в салон. Собственная беспомощность меня ужасно злила. Я всеми силами пытался помочь. Потому что это всего лишь мой проводник в этих краях, а не моя нянька, и тем более не носильщик. Я схватил чемодан поменьше и тоже сунулся внутрь. И оторопел... Развалившись на трех передних сидениях сном младенца спала Стоцкая. Свет проникал через не знающие тонировки, натертые до блеска окна УА-

Зика, и скользил по ее прозрачной коже с тонкими голубыми ручейками вен. Сквозняк шевелил выбившиеся из неряшливого пучка пшеничные пряди, и те щекотали ее лицо и пухлые приоткрытые во сне губы. Одну руку Стоцкая подложила под щеку, а другую прижала к груди. И было что-то ненормальное в том, что я испытал, глядя на нее, спящую... Мои пальцы зудели – так сильно мне захотелось сфотографировать её такую.

– Все в порядке? – смерил меня насмешливым взглядом Астафьев. И, клянусь, если бы я еще не разучился этого делать, я бы вспыхнул, как прыщавый мальчишка, пойманный за подглядыванием.

– Да. Все отлично. Просто не ожидал, что у нас будут попутчики, – холодно заметил я.

– А... Так я могу пройти?

Черт! Черт! Черт! Ну, я и придурок... Спешно отступив, так, что едва не свалился с подножки, я пропустил Астафьева к выходу. Он схватил новый ящик, упакованный в чехол штатив, и вновь забрался в салон. В четыре руки мы погрузили все мое барахло. Удивительно, но эта суета никак не мешала Стоцкой дрыхнуть. И снова я на неё уставился.

– Понравилась? – спросил Астафьев, видя мой интерес. Светка фыркнула и повалилась на сиденье – лицом к спящей женщине. Я уселся рядом.

– Это – дочка моя. Янка... Ну и горазда спать. Умаялась, бедная.

Ага. Знаю я, как она умаялась, – подумал я первым делом, после того, как отошел от последних слов Астафьева. То есть как это дочка? Какого черта? Почему во всей этой дыре не нашлось другого гребаного проводника? Меньше всего мне сейчас было нужно общество этой женщины. Женщины, жизнь которой я по ошибке разрушил. Я и без этого места себе не находил, захлебывался виной, лез на стены. На чертовы запекшиеся песчаные стены своего карцера. О, там у меня было время подумать... Триста тридцать три дня, в течение которых я по полочкам раскладывал всю свою жизнь в попытке разобраться, за что мне дан этот ад. За какие грехи? Взвешивая свои шансы выжить. Не думая о том, что меня ждет впереди. А целиком и полностью погрузившись в прошлое.

Не дождавшись от меня комментариев, Астафьев коротко кивнул, с легкостью, удивительной для его мощного тела, спрыгнул с подножки и, так же резво оббежав наш УАЗик, устроился на месте водителя.

– Сейчас дорога будет ничего. А потом часа два потрясет. По весне речка вышла из берегов и смыла, к чертям, асфальт, – бросил Валентин Петрович, перед тем как завести мотор. Я кивнул, отвел взгляд и встретился с синими, как лазурь, глазами доктора Стоцкой.

– Какого хрена? – первым делом спросила она, резко вскакивая со своего места и выглядывая в окно. Как будто и впрямь опасалась, что я мог похитить её спящую.

– Хотел бы я знать ответ на этот вопрос, – фыркнул я и отвернулся.

Глава 5

Мой проводник не врал, когда сказал, что дорогу смыло. Точнее не так... Дорога была. Ее серо-черная побитая непогодой лента вилась среди двух живописных равнин, сплошь устланных желтым ковром незнакомых мне раньше цветов. Но на ней было столько ям и колдобин, что людям было проще ехать по обочине, уже раскатанной, утрамбованной и как будто запекшейся на еще ласковом июньском солнце земле.

– Это – очиток живучий.

– Что, простите? – переспросил я и едва не свалился со своего места, когда нас опять тряхнуло.

– Вот эти желтые цветущие кустарники.

Удивленный, что Яна Валентиновна соизволила со мной заговорить, я пожал плечами и отвернулся к окну:

– Красиво.

– Угу. Красиво. Но это растение ядовитое. Так что будьте осторожнее, когда пойдете в следующий раз в кустики по нужде.

Я моргнул. Опустил взгляд к собственному паху.

– А предупредить раньше вы не могли?

– Я задремала... – Стоцкая зевнула, поправила огромные очки на носу, за которыми, как пить дать, прятала последствия вчерашней веселенькой ночки, и, подложив подушку под щеку, снова сделала вид, что спит.

– Вы живете с родителями?

– А что, похоже? – вздохнула Стоцкая.

– Послушайте, это не праздный интерес, – разозлился я, забывая о том, что мы не одни, – Мы буду жить в их доме, а потому хотелось бы знать, с кем нам придется сталкиваться.

– А что, если со мной? Вы все бросите и вернетесь обратно? Кстати, зачем вы здесь?

– У меня съемка для National Geographic, – отмахнулся я.

– Поменяли специализацию?

Поначалу я подумал, что Стоцкая меня подначивает, но когда она стащила с носа очки, понял, что ошибался. В ее глазах не было злорадства. Может быть, она не знала о том, что мне довелось пережить в течение последнего года? Да нет... Вряд ли. Кажется, об этом теперь знали все.

– Решил взять паузу.

Я перевел взгляд на скучающую дочку. Светка пялилась в окно и покачивала головой в такт гремящей в наушниках музыке. Ей не было дела до нашего разговора.

– Я не живу с родителями и постараюсь сделать так, чтобы мы не пересекались, – тихо заметила Стоцкая, когда я уже решил, что ответа мне не дожидаться. А после вернула очки на глаза.

Я кивнул в ответ и наткнулся в зеркале заднего вида на внимательный взгляд Валентина Петровича. Вряд ли он мог слышать, о чем мы говорили с его дочерью, из-за играющего в салоне радио. Скорее просто почувствовал окутавшее нас

напряжение. Последовав примеру Стоцкой, я спрятал глаза за непроницаемыми стеклами авиаторов. Так я мог, не спалившись, разглядывать Яну, мать ее, Валентиновну. И не спрашивайте, зачем мне это понадобилось.

– Яна...

– Да? – кажется, она удивилась моему обращению даже больше, чем я сам.

– Вы простите меня. Я... неправ тогда был...

Так и не сумев договорить, я с шумом выдохнул. Растер лицо каким-то забытым, еще, наверное, в детстве жестом. Понимая, что сейчас она просто пошлет меня, и права будет... Но, к удивлению, Стоцкая молчала. Молчала, не сводя с меня глаз, а потом просто кивнула. И все? Поразительно, но я испытал странное разочарование. Как будто я вышел на ринг, а рефери сказал, что бой отменяется. Да... в этот момент я рассчитывал испытать со-о-овсем другие чувства. Может быть, облегчение. Но его не было. Скорее я почувствовал себя еще более мерзко.

Что ж так дерьмово-то, господи?

Почему из всех предложений о работе я выбрал именно это?! Да потому, что этих предложений было не так и много. Я на год выпал из обоймы. И тут либо снова горячая точка, либо... Это чертовое озеро. После всего, что со мной случилось, выбор был очевидным.

Я достал телефон, в очередной раз набрал номер Тени и, выслушав робота, утверждающего, что абонент – не абонент,

отключился. Чтоб тебя, глупая баба! Чтоб тебя... Куда ты пропала? Меня раздирала тревога. С нашего последнего разговора прошел целый год. А все, что я тогда сказал, было таким... неправильным. Я остыл через пару дней, решил позвонить, извиниться, но у судьбы на меня были другие планы. Год... прошел год, и за это время с Тенью могло случиться все, что угодно. Я старался не думать о том, как буду жить, если больше никогда её не услышу. Я старался не думать о том, сколько времени упустил.

Второй раз я позвонил Тени уже из Мали. Хвала госпо-ду, при миссии ООН, в офисе которой мы зачастую бывали, имелся неплохой вай-фай. Ситуация становилась с каждым днем все тревожней. Мы ходили по краю, но никто даже не догадывался, как близка была смерть на самом деле. Сатанея от зверской жары, я пытался собрать расплавленные солнцем мозги в кучу и написать короткий очерк для своей колонки. Кондиционеров здесь отродясь не было, а вентиляторы лишь гоняли раскаленный воздух туда-сюда, не принося никакого облегчения. Жизнь – дерьмо, в который раз подумал я и уставился на лежащий поверх бумаг телефон. А потом позвонил...

– Да... Говорите, я слушаю вас?

– Привет, Тень.

– Тень? А... Специалист по похмелью, ты ли это?

– Я... Узнала?

– Ага. А ты вообще на часы не смотришь, когда звонишь?

– А что? Уже поздно? – я покосился на поцарапанный дисплей, прикидывая в уме возможную разницу во времени.

– У меня третий час ночи.

Было бы логично спросить, какого черта я ей звоню. Но Тень не спрашивала. А сам я не объяснял и вместо этого нес какую-то чепуху.

– Ну, это у тебя ночь, а у меня день-деньской. И такая адская жара... ты бы знала.

– Жара? Слушай, везучий ты, сукин сын. Я вчера печку топила, представляешь? А сейчас опять холодно так, что зубы стучат.

– А согреть некому?

– Не-а. Разве что ты мне своей жары отсыплешь.

Я улыбнулся и наткнулся на заинтересованный взгляд оператора. Черт! Заболтавшись с Тенью, я совершенно забыл, что не один в этой конуре, именуемой кабинетом. Иван пошевелил бровями. Я закатил глаза, показал ему кулак и вышел прочь из кабинета в душный коридор. И только я отошел на шаг, как началась бойня...

Это потом я узнал, что миссия ООН была подвергнута минометному обстрелу, а тогда... Тогда это был просто ад. Где-то совсем близко от меня взрывались снаряды, а я полз по полу в направлении бомбоубежища и думал о том, что если бы не вышел из кабинета – наверняка бы погиб. В тот день Тень спасла мне жизнь в первый раз... Боевики выпустили по позициям миротворцев двенадцать ракет. Всего двенадцать...

Погибли семь человек, в числе которых был и Иван. Еще порядка тридцать были ранены. А у меня не было ни царапины.

Тень перезвонила мне, когда меня, оглушенного и дезориентированного происходящим, вывели из-под завалов.

– Эй! Ты как там? Я услышала какие-то странные звуки, а потом связь прервалась. Ты там, что, боевик смотришь?

– Ага... Боевик... – кивнул я головой, наблюдая за тем, как спасатели выносят раненных из-под завалов, слушая их стоны и хрипы, которые и она наверняка тоже слышала.

– Слушай, давай, я тебе потом перезвоню. Тут... тут самый интересный момент, – пробормотал я, отлепляясь от своего места. Волна ужаса схлынула, и ко мне, наконец, вернулась способность мыслить. Я не мог сидеть без дела и наблюдать, как под завалами гибнут люди. Мне нужно было действовать, чтобы не сойти с ума.

– Ага. Расскажешь потом, что за фильм.

– Расскажу... Обязательно.

Через два часа миротворческая миссия ООН дала сообщение, что ситуация взята под контроль. Я был первым журналистом, который пустил в эфир репортаж с места событий, бесстрастно озвучивая информацию о количестве жертв нападения и демонстрируя разрушения за спиной. А потом, когда все было позади, я лежал под высоким, усыпанным бриллиантовой крошкой небом Африки и плакал, как дурак, пока меня не окликнул тощий мальчонка, из местных.

– Что? – спросил я.

Но мальчик вряд ли меня понимал. Он лишь улыбался и махал рукой в сторону огней деревни. Я медленно встал и пошел вслед за ним. Бояться мне было нечего. Аборигены в этих местах были удивительно миролюбивыми. Когда мы под заинтересованными взглядами местных жителей вошли в деревню, оказалось, что со мной хотел встретиться шаман племени. Ничего не понимая, я, тем не менее, почтительно поклонился и сел, куда мне было велено.

– Ты – помогать нашим людям, – сказал мне старец на плохом английском.

– Я ничего не сделал.

– Ты – помогать. На!

Он протянул мне трубку, не принять которую по местным обычаям было бы очень невежливо. Я немного помедлил, но все равно сделал вдох.

– Три... – показал мне на пальцах старец.

Три? Да что ж такое? Я и после первой тяги чуть было не выплюнул легкие.

– Три! – нахмурился шаман.

После второго вдоха картинка мира перед моими глазами покачнулась, разбилась на сотни мелких осколков и закружилась вокруг меня с бешеной скоростью. Как делал третью тягу – я даже не помнил. Очнулся я в теле птицы, парящей высоко-высоко над землей. Подо мной проплывали города и обожжённые солнцем пустыни, джунгли и дельты рек. А больше никого не было. Лишь я и... догоняющая меня тень.

Когда я пришел в себя, шаман спросил меня, что я видел. Я рассказал, не видя в этом секрета. Под кайфом еще и не такое привидится.

Выслушав меня, шаман кивнул и закрыл глаза.

– Ты – Зусу.

– Что?

– Зусу... Птица... по-вашему? Нет... Птах! Держись своей Тени...

У меня волосы на затылке зашевелились, когда старик это сказал. У меня зашевелились волосы...

– Ну, вот и приехали! – вернул меня в реальность зычный голос Валентина Петровича.

Я растерянно огляделся. Так странно... я не помнил половины пути. Все прошло мимо. Хотя обычно я начинал приглядываться к месту, где мне предстояло работать, с первых секунд. Первое впечатление было для меня самым важным.

– Дом... милый дом.

– Ты же сказала, что не живешь здесь? – напомнил я вскочившей со своего места Стоцкой.

– Я здесь выросла... – пожала та плечами она.

Да уж... Мое замечание прозвучало довольно глупо. Я пропустил Яну вперед, дождался, пока выпрыгнет Светка, и только тогда взялся за чемодан. Пока мы на пару с Валентином Петровичем разгружали сумки, из добротного деревянного дома вышла женщина. Совсем невысокая, в джинсах и накинутой на плечи парке. Здесь, в лесу, было значительно

прохладнее, чем в городе, и я поежился.

– Елена Васильевна. Моя жена... А это, Леночка, Данил Соловьев. Наш постоялец аж на целый месяц.

– Данил Соловьев? Тот самый? Валик, ты совсем из ума выжил – притащить это несчастье в наш дом?! – если бы взгляд мог убивать, клянусь, я бы тотчас упал замертво. А Валентин Петрович, кажется, растерялся. Открыл рот, беспомощно глядя на жену, перевел взгляд на меня...

– Не надо, мам, – вмешалась Стоцкая. – Дело прошлое.

– Простое?! Да это чудовище твою жизнь разрушило, а ты мне говоришь, прошлое?

– Мама, перестань... – в голосе Стоцкой зазвенел металл. – Мы во всем разобрались. Тема закрыта.

– Постой-постой... Что значит «это несчастье»? – отмер Валентин Петрович.

Я молчал, не совсем понимая, что тут можно сказать. Говоря откровенно, я даже не знал, как теперь смотреть в глаза этим людям. Мне вообще не стоило сюда ехать. Пока я неловко переминался с ноги на ногу, Стоцкая тяжело вздохнула и пояснила отцу:

– Данил – муж моей последней пациентки.

Валентин Петрович удивленно на меня уставился. Что ж... удивление, наверное, лучше, чем ярость? Если бы тот решил сейчас меня проучить, я бы вряд ли смог от него отбиться. Слишком здоровым тот был.

– А с виду приличный человек...

– О, да ладно, папа! Ты же не думал, что у него будут рога и копыта?

– Вполне возможно...

– Да бросьте вы! Ну? – Яна с досады топнула ногой.

– Ему не место в нашем доме! – повторила Елена Васильевна.

– Наверное, мне и правда лучше уехать.

– Ну, уж нет. Данил, вы пока проходите – во-о-от туда, это флигель для гостей. А я здесь все улажу.

– Что здесь можно уладить? – донесся скрипучий голос с веранды.

– О господи, ба, и ты туда же...

Глава 6

Что-что, а чувство самосохранения в Соловьеве было развито просто на зависть. Не став испытывать судьбу, он послушно забрал ключи и пошел к флигелю. Его шаг был неровным и каким-то дерганым, что ли? Совсем не таким уверенным и пружинистым, как я запомнила. И я не могла не думать о том, что так сильно его изменило. А моя родня, кажется, могла думать лишь о том, как поквитаться с моим обидчиком. Вот и отец, было, двинулся вслед за гостем...

– Ты это куда? – спросила я, перегораживая дорогу родителю.

– Что значит, куда? Пойду, покажу этому... как здесь все обстоит.

– Ну, уж нет, папа. Оставайся на месте!

– Да ладно, Янусь, что я ему сделаю?

Да все, что угодно! Силы в моем папке было столько, что о наличии ума в некоторых ситуациях вопрос просто не поднимался. Я тяжело вздохнула и покачала головой:

– Я сама ему все покажу. А ты остынь. И ты, мам, тоже. Столько лет прошло, а вы все злитесь.

– А что мне нужно было? Выкатить красную дорожку? – возмутилась мама, сверкая синими глазами.

– Да не нужно никаких дорожек выкатывать! Просто отнесите к нему, как к своему обычному постояльцу.

– Может, прикажешь нам его на обед пригласить?

– Это ведь входит в стоимость проживания, не так ли? – не сдавалась я.

– Вот именно, Леночка. Это входит. Так, что, зови. Не будем же мы нарушать уговора... – неожиданно вступилась за Соловьева та, на кого я меньше всего рассчитывала.

– Ты вновь за старое? – подозрительно сощурилась я, ни на секунду не поверив в искренность бабушкиных порывов.

– Хе-хе... – донесся до меня её коварный, не сулящий Соловьеву ничего хорошего, смех. Я со стоном запрокинула голову к небу, где между изумрудными макушками вековых кедров виднелся синий лоскут бескрайнего летнего неба.

– Не вздумай, ба... Никаких сюрпризов! Поклянись мне! Ни слабительного, ни приворотов, ни прочего ведьмовского дерьма. Я серьезно.

– О слабительном я даже не думала, – заскрипела бабушка.

Прекрасно! Даже если она об этом не подумала сразу, то теперь уж наверняка... Молодец, Астафьева. Просто пять баллов за идею.

– Вы меня поняли! – бросила я, не найдясь с достойным ответом, и зашагала в направлении флигеля. Данил как раз начал разгружать вещи, когда я подроспела.

– Я покажу, что здесь и как... – отчиталась я о цели своего визита.

– Не знаю, стоит ли. Возможно, нам со Светкой действи-

тельно стоит вернуться.

– Ты уже разбираешь вещи. Тебе не кажется, что твои слова противоречат действиям?

Данил ничего не ответил. Бросил растерянный взгляд на защитного цвета футболку в руках. Разговор не клеился, и я решила заняться тем, ради чего, собственно, и пришла. Деловито подошла к комоду, вытащила два одинаковых комплекта белья, полотенца и бросила их на диван.

Из спальни выглянула Света.

– Здесь два комплекта. В спальне кровать, здесь диван, который довольно просто раскладывается. Вот тут потяни, и до щелчка. В ящике над плитой – чайник, кофе и сахар. Так... что еще? Завтрак, обед ужин в большом доме в восемь, час и шесть часов соответственно.

– Прямо ол-инклюзив, – фыркнула девочка, смерив меня неприветливым, злым взглядом.

– Света! – одернул дочь Соловьев.

– Что Света? Я не хочу оставаться рядом с этой... с этой... убийцей!

Мои плечи одеревенели. Спина выпрямилась. Это происходило рефлекторно, на уровне голых инстинктов... Так, словно, не держи я спину прямо – сломалась бы, к чертям, пополам.

– Немедленно извинись!

– И не подумаю...

Отец и дочь застыли друг напротив друга, как два бойца в

ринге. И мне бы нужно было уйти, но мои ноги не слушались, и я стояла, как дура, сжимая и разжимая руки, думая лишь о том, что по дороге сюда Света услышала гораздо больше, чем мы могли бы представить. Вполне возможно, она специально подслушивала.

– Вот это дверь в ванную... – отмерла я. – Здесь умывальник, душ, туалет и стиралка. Выбираешь режим и нажимаешь кнопку «пуск», – я быстро продемонстрировала, как это работает, и вышла из комнатухи, которая была слишком тесной для нас с Данилом. – Если будет желание – отец может растопить баню. Он – отличный банщик. Лучший в этих краях. А про поход – он вам сам все расскажет. Сегодня, за поздним обедом. Стол будет накрыт в большом доме через час. Вас устроит?

– Да, спасибо.

Соловьев устало растер глаза, прошел через комнату, обдавая меня ароматом стирального порошка, ментолового шампуня и какого-то тонкого едва уловимого парфюма, который мне понравился еще в отцовском УАЗике.

– Сейчас попрошу отца помочь перенести ваши вещи.

– Не стоит. Я сам.

– Они тяжелые...

– Справлюсь.

Я лишь пожала плечами.

– Тогда до встречи за ужином.

– Я не буду есть с ней за одним столом, – донеслись мне

вслед злые слова Светы, я сделала вид, что ничего не услышала, и скрылась за дверями флигеля. Оправдываться мне было не за что. И делать это я ни за что бы не стала. Да и вообще, если бы не бабка, которая твердо решила сжить несчастного Соловьёва со свету, я бы уже давным-давно бы вернулась домой. Или в амбулаторию, в которой за время моего отсутствия наверняка скопилось много работы. А вместо этого я торчала здесь, чувствуя себя каким-то недобитым рефери или чертовым громоотводом.

Дом родителей, как всегда, встречал меня ароматом хвои и свежесдобитого хлеба. Я прошла в кухню и будто бы между делом заметила:

– Я сказала Данилу, что обед через час.

– Я не буду кормить этого... этого...

– Мам! Ну, хватит уже, а? Он ведь передо мной даже извинился.

– Когда это? – вмешалась бабушка, которая, восседая во главе стола, растирала что-то в глиняной ступке. Я очень надеялась, что это не корень крушины, но проверить, не привлекая к себе внимания, не могла.

– Сегодня. По дороге сюда.

– Для этого нужно мужество, – справедливо заметила бабушка. Что-что, а здравый смысл в ней по большей части возобладал. Может быть, мне даже не стоило переживать о Даниле так уж сильно. Вдруг бабушка не станет его изводить? Но тут – как повезет, конечно. Ставить на это я бы не

стала.

– Если вы забыли, то я напомню! Это он спустил всех собак на Яську! Это из-за него она лишилась работы и хоть каких-нибудь перспектив!

Да, уж. Мама была права. Соловьев действительно натравил на меня телевизионщиков. А те камня на камне не оставили от моей репутации. В погоне за сенсацией правда их волновала мало. Они даже не удосужились провести журналистское расследование, или что там обычно проводят нормальные журналисты, перед тем как выпустить сюжет в эфир? Их цель была – наказать меня. И у них получилось. Смерть матери и ребенка в элитном столичном роддоме – чем не сенсация? Журналисты делали рейтинги своим передачам, им не было дела до моих чувств, до моей рушащейся на глазах жизни. Поэтому то, что им не было дела до правды, меня даже не удивляло.

– Мам, он извинился. Я его простила. Все. Вопрос закрыт.

– Обвинениями он бросался публично! А извинился как трус!

Я обернулась и наткнулась взглядом на темный взгляд Соловьева.

– Извините... Я стучал, но, видимо, никто не услышал.

В комнате повисло молчание. И лишь зловещий стук венчика в ступке бабули нарушал эту мертвую тишину.

– Вот. Возьми... – бабушка подозвала гостя рукой и вручила ему в руки ступку.

– Что это? – растерялся тот и несколько нервно на меня покосился. Ну, надо же... Если бы мне кто-то сказал, что Данил Соловьев станет искать поддержки в моем лице – я бы просто рассмеялась в лицо безумцу.

– Как это что? Ты ведь за средством от комаров пришел?

– Да... Я забыл фумигатор дома, – вконец растерялся Данил. – Но как вы...

Бабуля от вопросов гостя отмахнулась:

– Скатаешь шарики и разложишь по комнате. На подоконник там и возле двери. Все кровопийцы и передохнут.

– Главное, чтобы самый главный из них не сдох, – сердито пробормотала мама, вытаскивая чугунный котелок из духовки. Я закусила губу и отвернулась, чтобы не засмеяться, но перед этим все же успела заметить, как дрогнули губы Данила.

– Спасибо... – пробормотал он, салютуя бабушке ступкой.

– Посуду сразу верни. Мне без нее никуда, – сварливо заметила бабушка.

Данил кивнул и, насвистывая, пошел прочь из дома.

– Ты же не добавила в это зелье ничего такого? – на всякий случай уточнила у бабки я, когда тот, преодолев поросший цветами двор, скрылся за дверями флигеля.

– Да что ж я тебе – Ирод какой?

Ирод, не Ирод, но бабу Капу в наших краях побаивались. К ней шли за всякими зельями и лекарствами, к ней шли просто поговорить, получить совет или поплакаться на судь-

бу-злодейку. Долгое время бабуля была для здешнего народа и врачом, и психологом, и исповедником. К ней приходили, когда больше некуда было идти. А потом бабуля решила уйти на покой... и здешний народ почему-то решил, что я должна занять ее место.

Прерывая наш разговор, у меня зазвонил телефон. Я с такой скоростью метнулась к небрежно брошенному на пол рюкзачку, что чуть было лоб не расшибла. И это было тоже скорее рефлексом. Ведь Птах, даже если захотел бы, все еще не смог бы до меня дозвониться. Новую симку мне обещали сделать через пару недель. Это было ужасно долго, но я была готова ждать, сколько потребуется.

– Да! – запыхавшись, бросила я.

– Яна Валентиновна, мне сорока на хвосте принесла, что вы в городе, а Лисовская в город опять не поехала... – пока я безуспешно гадала, какая тут связь, моя медсестра продолжила. – У нее ж давление бешеное, ну, вы помните... А она в огороде кверху жопой весь день. Теперь, вот, сознание потеряла. А главное, Степка ни черта не может сделать... Уж он-то ей и нашатырь, и укол... – бессвязно бормотала наша медсестра Леночка на том конце связи. У нее была странная особенность говорить удивительно бессвязно, но при этом довольно информативно. Вот и в этот раз я как-то сразу определила степень надвигающегося пи*деца.

От дома родителей до моей амбулатории можно было спокойно дойти пешком. Но сейчас, когда каждая минута была

на счету, мне было не до прогулок. Я выскочила из дома, запрыгнула в отцовский УАЗик и ударила по газам.

– Куда понеслась, малахольная?! – высунулась в окно моя бабка. Как для человека, собравшегося помирать еще на прошлую Пасху, голос у неё был удивительно живым. Способным перекричать даже гул мотора.

– Лисовскую-дуру спасти! – прокричала я в ответ и, подпрыгивая на ухабах, покатила прочь со двора.

За четыре года, прошедших с тех пор, как я возглавила местную амбулаторию, здесь произошли удивительные перемены. В здании был проведен капремонт и куплено какое-никакое оборудование. Да что там... Мне вообще было грех жаловаться. Гуляев чего только ни закупил, когда его жена с разницей в два года родила ему четверых пацанов. И это после пятнадцати лет бесплодия... Вот на радостях мужик и пустился во все тяжкие. Пристал ко мне, как репей. Как мне отблагодарить вас, Яна Валентиновна? Просите, чего душа пожелает! А что ему? Он – наш местный Абрамович. Богач с депутатским мандатом, который нам очень пригодился, когда пришла пора проходить аккредитацию. Может быть, я даже перестаралась в своих «прошениях», ни одного из которых, кстати, не было проигнорировано. Местные и так с неохотой ездили в область на лечение, а теперь и во все лечились только в родной амбулатории. Да что там... к нам из соседних сел ехали, ехали из городов... Признаться, мне уже порядком надоело это паломничество. Но, с другой

стороны, еще никогда я не чувствовала себя такой нужной. Может быть, хорошо, что и последние два собеседования не увенчались успехом? Может быть, мое место здесь? Среди этих людей, до которых никому не было дела?

– Ой, как хорошо, Яночка Валентиновна, что вы так быстро!

– Где Лисовская?

– Так вот, в процедурной. Мы ее дальше не доперли. Во баба здоровая, а?! И, главное, вы ж ей говорили поменьше жрать... Как тут не будет давления?! А она все туда же...

Я улыбнулась, потому что сама Леночка отнюдь не отличалась хрупкостью форм.

– Сердечко малыша слушали?

– Слушали. И на УЗИ глядели... Степка-то здорово испугался!

– Не Степка, а Степан Николаевич, – в который раз поправила я.

– Ой, да я этого Степана Николаевича с голым задом на выпускном крапивой гоняла...

– Лен, ну, мы же на работе.

– Ага... Субординация, и все такое.

– Вот именно, – кивнула я, заходя в палату.

Глава 7

Как и обещала, Светка на ужин идти отказалась. Все время, пока я таскал сумки в дом и разбираал чемоданы, она делала вид, что меня не замечает. А я делал вид, будто меня это не бесит, что было довольно сложно, учитывая то, как Светку разбаловали. Еще бы! У девочки умерла мать... И поначалу это, наверное, оправдывало некоторые послабления в её воспитании. Вот только это «поначалу» уж слишком растянулось во времени. И ни к чему хорошему не привело.

– Если ты не пойдешь со мной, то останешься голодной.

– Отлично!

– Отлично, – пожал плечами я, натягивая фланелевую рубашку прямо поверх футболки. – И еще... не забудь извиниться. Я не шутил, когда это сказал.

– Перед этой? И не подумаю! Она убила мою мать!

– Это неправда. И тебе хорошо это известно.

– Поверить не могу, что ты ее защищаешь!

– Я был к ней несправедлив, Света. И я могу понять твою злость, потому что очень долго ею и сам питался. Но правда в том, что в нашем несчастье никто не виноват. Дерьмо случается. И сколько боли бы это нам ни причинило, стоит признать – винить в этом некого. А еще не стоит подслушивать. Это мерзко.

Я вышел из дома. Привычным движением, которое не за-

былось даже за целый год плена, достал телефон из кармана. Набрал единственно важный для меня номер, чтобы в очередной раз услышать, что абонент вне зоны. Не знаю, зачем я это делал. Во-первых, меня уже ждали на ужин, а я не привык опаздывать, а во-вторых, если бы Тень вышла на связь, мне бы пришла sms-ка. Сколько таких сообщений я стер за годы наших с ней разговоров? Да не сосчитать. И она тоже их получила не меньше.

Хозяева, похоже, ждали только меня. Во главе накрытого по всем правилам стола восседала – иначе не скажешь, Янина бабка, которую мне так и не удосужились представить, на другом краю – Валентин Петрович, а по правую руку от него – Елена Васильевна. Яны нигде не было видно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.